

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАНКОВСКИХ ЭКОСИСТЕМ

Михеева Ирина Евгеньевна, кандидат юридических наук, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, ya.miheeva@yandex.ru, <https://orhid.org/0000-0002-5935-4722>

Аннотация. В работе исследованы основные признаки современных банковских экосистем в России. В качестве основных признаков банковской экосистемы автор указывает: использование ее участниками предоставленной кредитной организацией информационно-технической инфраструктуры; объединение участников экосистемы одним или несколькими договорами, направленными на создание указанного объединения, и общим «брендом»; использование базы данных банка о его клиентах и доверия, которое оказано клиентами банку. В работе сделан вывод, что банковские экосистемы являются объединениями юридических лиц холдингового типа. В развитие сформированной теоретиками права позиции о том, что меры специального регулирования должны применяться ко всем участникам группы лиц, автор считает, что признание экосистемы объединением юридических лиц холдингового типа позволяет распространить на всех ее членов единые условия применения гражданско-правовой ответственности перед клиентами, а также обосновать возможность привлечения банка к ответственности за неисполнение обязательств другими участниками банковской экосистемы.

Ключевые слова: банковские экосистемы, банки, компании холдингового типа, информационные системы, агрегатор, бренд, доверие.

Благодарности. Работа подготовлена в рамках деятельности Центра компетенций «Киберправо» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы развития «Приоритет 2030».

Для цитирования: Михеева И.Е. Правовые особенности банковских экосистем // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 220–226. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-220-226>

Research Article

LEGAL FEATURES OF BANKING ECOSYSTEMS

Irina E. Mikheeva, Candidate of Jural Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MGUA), ya.miheeva@yandex.ru, <https://orhid.org/0000-0002-5935-4722>

Annotation. The paper examines the main features of modern banking ecosystems in Russia. The author points out the main features of the banking ecosystem as the use by its participants of the information and technical infrastructure provided by the credit institution; the association of ecosystem participants with one or more agreements aimed at creating this association and a common “brand”; the use of the bank’s database about its customers and the trust that customers have placed in the bank. The paper concludes that banking ecosystems are associations of holding-type legal entities. In the development of the position formed by legal theorists that special regulatory measures should be applied to all participants of a group of persons, the author believes that the recognition of the ecosystem by an association of holding-type legal entities allows to extend to all its members uniform conditions for the application of civil liability to customers, as well as to justify the possibility of holding the bank liable for non-fulfillment of obligations other participants of the banking ecosystem.

Keywords: banking ecosystems, banks, holding type companies, information systems, aggregator, brand, trust

Acknowledgements. The work was prepared within the framework of the activities of the Competence Centre “Cyber Law” of Kutafin University (MSLA) in order to implement the development programme “Priority 2030”.

For citation: Mikheeva I.E. Legal Features of Banking Ecosystems. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 220–226 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-220-226>

Несмотря на успешное развитие в России «банковских экосистем», в действующем российском законодательстве отсутствует легальное определение указанного понятия.

При этом в литературе широко обсуждаются понятия «экосистема», «цифровая экосистема», «информационная система», «экосистема цифровой экономики», «бизнес-экосистема», «банковская экосистема» и т. д. Анализ показал, что ряд авторов часто даже не разграничивают указанные дефиниции. Это объясняется тем, что общая теория экосистем в настоящий момент находится в стадии зарождения, и работы, в которых систематизируются подходы к исследованию экосистем, стали публиковаться только в последние годы¹.

Для всестороннего раскрытия понятия «банковская экосистема» необходимо выделение и раскрытие ее признаков.

В банковской деятельности широко внедряются экосистемные подходы ведения бизнеса, поскольку банковское сообщество активно реагирует на процессы развития новых цифровых технологий [Ефимова, Михеева: 4].

В литературе выделяют различные признаки экосистем². Ряд авторов считают, что экосистема представляет собой комплекс, состоящий из четырех компонентов: кластера, платформы, сети и бизнес-инкубатора, не исключает участия в экосистеме нескольких банков [Клейнер, Рыбачук, Карпинская: 9]. С.Н. Гаврилов полагает, что информационная (цифровая) экосистема включает следующие свойства: целостность, адаптивность, саморегуляция, устойчивость, развитие (эволюционирование/сукцессия), синергия/эмерджентность [Гаврилов: 160]. По мнению Ш.Ш. Узденова, в отношении банковских экосистем выделяют следующие элементы, используемые в рамках банковских экосистем: данные в цифровом виде (электронные данные, информационные ресурсы; информационная (информационно-телекоммуникационная) инфраструктура; информационные технологии, на базе которых создаются сервисы и платформенные решения) [Узденов: 46]. Однако данные характеристики не раскрывают правовую природу банковских экосистем, в этой связи существует необходимость исследования признаков (элементов) экосистем, наиболее специфичные из них – именно для банковской деятельности.

Во-первых, банковская экосистема представляет собой объединение нескольких юридических лиц. Действующим законодательством не предусмотрен правовой статус банковских экосистем. Экосистемы пока не выделяются в качестве отдельного субъекта финансовых правоотношений [Чистюхин: 11].

В этой связи вопрос о правовом положении банковских экосистем является дискуссионным.

Как отмечено в докладе регулятора, «в России, равно как и в мире, пока не сформировались законченные организационные формы – наиболее часто упоминаемые в контексте экосистем компании (группы компаний) находятся на разных этапах создания/формирования цепочек добавленной стоимости в рамках своих индивидуальных бизнес-моделей»³.

Придерживаясь мнения, что банковские экосистемы являются объединением субъектов права, рассмотрим соответствующие позиции. Так, Узденов пишет, что банковская экосистема представляет собой партнерство, в которое входит кредитная организация и иные лица, между которыми имеется взаимодействие в информационном пространстве в целях повышения эффективности хозяйственной деятельности» [Узденов: 46]. Банковская (финансовая) экосистема, считает В. Кинсбургская, – это следующий этап интеграции финансовых услуг, когда вокруг банка как платежного центра объединяются различные финансовые и нефинансовые компании. [Кинсбургская: 41].

При этом авторы не квалифицируют правовую природу объединения юридических лиц в рамках экосистемы.

Практика создания в России банковских экосистем свидетельствует, что они представляют собой объединение кредитной организации с другими юридическими лицами. [Михеева: 43]. Основываясь на данной позиции, рассмотрим правовое основание такого объединения.

Полагаем необходимым согласиться с тем, что участники экосистемы зависят от той роли, которую банк играет в экосистеме. В наиболее оптимистичном сценарии, как отмечается рядом авторов, банк будет центральным игроком в экосистеме, а финтех-компании будут конкурировать друг с другом за доступ к клиентской базе банка» [Косарев, Иараджули: 58].

Не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, в котором одно юридическое лицо или несколько юридических лиц находятся под контролем либо значительным влиянием одной кредитной организации признается банковской группой (ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»).

Вопрос о банковских экосистемах, действующих по типу банковской группы, обсуждается в литературе. Так, например, К.В. Трушина и А.В. Смагина пишут, что «экосистемы нужно трактовать в рамках создания и развития банковской группы, включающей в себя различные компании (финансовые и нефинансовые), предлагающие клиентам кредитных организаций разнообразные финансовые и нефинансовые услуги и товары с целью удовлетворения как можно большего объема их потребностей» [Трушина, Смагин: 8], с чем нельзя не согласиться. Однако приво-

димые авторами признаки банковской экосистемы как банковской группы раскрывают только внешнюю сторону, но не позволяют определить правовые связи между такими компаниями.

На практике кредитные организации не только создают экосистемы, то есть являются ее организатором, но и осуществляют деятельность исполнителя, участника экосистемы. Кредитная организация, являющаяся организатором, привлекает другие компании для оказания клиенту как банковских, так и небанковских услуг. Банк предоставляет другим участникам информационную платформу-агрегатор, через которую осуществляется распространение услуг.

Выделяют различные основания объединения компаний.

По смыслу российского законодательства, считает В.Э. Полякова, юридические лица, объединенные в группу компаний, связаны между собой отношениями значительного влияния или контроля [Полякова]. При всем многообразии возможных вариантов холдинговых отношений классическим холдингом является совокупность основного общества (товарищества) – головной организации или холдинговой компании – и подконтрольных, дочерних хозяйственных обществ [Шиткина: 178].

Вместе с тем на практике компании часто скрывают связи между собой, влияние и контроль.

Несмотря на то, что юридические лица, входящие в группу или холдинг, выступают формально самостоятельными субъектами и скрывают связи, суды формируют позиции об основаниях зависимости компаний, входящих в группу, определяют критерии связанности таких компаний, а также влияние на них так называемой «головной» компании – даже в том случае, если компании юридически не связаны.

Так, например, в своем судебном акте ВС РФ⁴ согласился с тем, что использованные предприятиями механизмы ранжирования ответственности между собой, формального придания каждой из организаций, входящих в одну группу аффилированных лиц, статуса независимого, осуществляется при сохранении возможности скрытого (непубличного), но непосредственного влияния на деятельность всего холдинга действительным собственником бизнеса (конечным бенефициаром).

Таким образом, суды выявляют различные основания аффилированности компаний (экономические связи, наличие одного бенефициара, договорные отношения, иные основания возможного влияния на другие компании) в рамках холдинга группы. Взаимосвязь компаний, как правило, в указанных случаях выясняют с целью выявления последствий такого объединения.

Применение единых последствий для компаний, объединенных в рамках холдинга, группы, объясня-

ется теми неблагоприятными факторами, которые может вызвать их деятельность.

По мнению С.А. Карелиной, меры специального регулирования деятельности холдинга должны применяться не только к отдельному участнику, а ко всем участникам группы [Карелина: 41].

Обоснованно отмечается, что «деятельность экосистем несет риски для клиентов, так как «выбор поставщиков может происходить не только по критерию качества товара, но, например, по условиям партнерства, что в перспективе негативно скажется на потребителе»⁵. При этом, учитывая, что компании в рамках экосистемы часто действуют под «брендом» банка, клиенты, выбирая их услуги, ориентируются именно на банк, к которому у них есть доверие, и оно распространяется на эти компании. Целью же банка является получение максимальной выгоды за счет комиссионного вознаграждения от дополнительных услуг.

Объединяемые в рамках банковской экосистемы юридические лица являются зависимыми от создаваемой ими кредитной организации, даже если такая зависимость на первый взгляд не является явной.

Представляется, что признание банковской экосистемы особым объединением юридических лиц, которое представляет собой разновидность банковской группы, и делает возможным распространить на деятельность ее членов все выработанные в теории права и на практике позиции относительно деятельности групп компаний, в частности требования о гражданско-правовой ответственности за других участников банковской группы, за их недобросовестное поведение и нарушение обязательств.

Во-вторых, основой любой экосистемы являются новые, в том числе цифровые, технологии. В банковской деятельности широко используются новые, в том числе цифровые, технологии. К основным элементам, применяемым в рамках банковских экосистем, по мнению Ш.Ш. Узденова, относятся информационная (информационно-телекоммуникационная) инфраструктура и информационные технологии, на базе которых создаются сервисы и платформенные решения [Узденов: 46].

Банковские экосистемы, как и все другие бизнес-экосистемы, основаны на использовании современных информационных платформ, что обусловлено, прежде всего, развивающимися дистанционными способами взаимодействия с клиентами.

Действующее российское законодательство предусматривает использование при оказании услуг информационных платформ.

Указанный закон связывает предоставление услуг с наличием программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Экосистема состоит из совокупности нескольких платформ, на которых клиенту предоставляются различные продукты и услуги⁶. Как отмечено в докладе Банка России об экосистемах, объединение нескольких платформ в экосистему в сочетании с дополняющими их офлайн-сервисами дает человеку новое качество клиентского опыта. Как считает регулятор, именно экосистемный подход позволит клиенту экономить время, затрачиваемое на поиск и покупку товаров и услуг⁷.

Под «информационной системой» в п. 3 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁸ понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

Представляется, что указанное определение является достаточно общим и не отражает специфику финтех, поскольку может применяться к любой совокупности правил и устройств, в том числе не основанных на современных технологиях. Законодатель не раскрыл признаки, которым должна отвечать информационная система, позволяющая разграничивать цифровые права от иных имущественных прав (за исключением условия об их независимости от третьих лиц).

В этой связи требуется выявление таких признаков. Одним из основных признаков информационной системы является ее формирование на базе цифровых технологий [Михеева: 18].

В-третьих, в рамках банковской экосистемы оказываются как банковские, так и небанковские услуги. В России «создаются так называемые экосистемы, где современные, передовые решения используются буквально на каждом этапе работы с клиентами, охватывают как традиционные банковские сервисы, так и новые, перспективные направления. Такие действительно кардинальные изменения ведут к трансформации банковского сектора»⁹.

Как показывает практика, в рамках банковских экосистем кредитные организации занимаются предоставлением не только банковских, но и различных небанковских услуг.

Реализация банками небанковских услуг имеет положительный эффект для потребителя и банковской системы. Компании, объединяемые в рамках экосистем, предлагают клиентам кредитных организаций разнообразные финансовые и нефинансовые услуги и товары с целью удовлетворения как можно большего объема их потребностей [Трушина, Смагин: 8].

В-четвертых, все участники экосистемы объединены общим брендом. Особенностью банковских экосистем признают создание их «вокруг собственных брендов» [Косарев, Иараджули: 58].

Бренд банка широко используется в деятельности банковских экосистем и, как показывает практика, имеет определяющее значение для выбора потребителей.

Кредитным организациям (их дочерним компаниям) часто принадлежит исключительное право на товарный знак, схожий с их фирменным наименованием, который они используют в отношении создаваемых ими непосредственно или через дочерние компании юридические лица.

При этом на практике такой товарный знак уже давно воспринимается как «бренд» для обозначения не товаров и услуг, а самого банка.

В п. 2.1.3. ГОСТ Р 57881-2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система защиты от фальсификаций и контрафакта» содержится определение понятия «бренд (brand)»: «связанный с рыночными отношениями нематериальный актив, направленный на индивидуализацию товара, услуги или организации либо их комбинации, создающий однозначное восприятие данных товара, услуги или организации у любой заинтересованной стороны, что приводит к возникновению экономической ценности»¹⁰.

Следует согласиться с тем, что «бренд эволюционирует, он трансформировался из товарной в институциональную сферу, стал применимым по отношению не только к «образу» товара, но и к «образу» организации в целях установления их отличительных особенностей от конкурирующих предложений» [Клименко: 10]. Деятельность банковских экосистем с использованием брендов является этому подтверждением, поскольку участники экосистемы часто объединяются именно под брендом банка.

Таким образом, следует согласиться с тем, что понятие «бренд» шире понятия «товарный знак» и имеет свои особенности, которые отличают его от товарного знака.

В-пятых, клиенты часто доверяют банкам. Авторами исследовались вопросы лично-доверительного характера отношений сторон отдельных договоров. В банковской деятельности доверие – основополагающий ресурс, недостаток или отсутствие которого затрудняет или пресекает развитие отношений клиента с банком¹¹.

Под доверительным отношением клиента банка следует понимать сложившееся в силу ряда как объективных, так и субъективных причин отношение клиента к кредитной организации, в результате которого такой клиент уверен в существовании дополнительных гарантий, минимизирующих существующую информационную диспропорцию, а также риски при заключении и реализации банковских договоров.

Таким образом, банковская деятельность в силу своей специфики если и не всегда имеет доверитель-

ный характер, то в любом случае вызывает у клиентов больше доверия, чем деятельность многих других юридических лиц в России.

В-шестых, кредитная организация использует в рамках экосистемы персональные данные своих клиентов.

В платформенной экономике данные становятся ключевой ценностью¹².

Как пишет З.Н. Ашурбекова, «концентрации на клиенте способствует цифровизация экономики, в частности таргетирование услуг благодаря технологиям больших данных. Это делает клиентские сервисы доступнее, быстрее и комфортнее» [Ашурбекова: 19].

Персональные данные о клиентах, имеющиеся у кредитных организаций в связи с заключаемыми банковскими договорами, являются основой и инструментом расширения деятельности экосистем.

Поскольку банковская деятельность предполагает идентификацию клиентов, в том числе в силу требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, каждая кредитная организация имеет информацию о своих клиентах, их персональные данные.

Владение персональными данными клиентов, которые называют «большими данными», и их использование в рамках экосистем уже не вызывает сомнений. Так, например, на официальном сайте «Сбера» указано, что в его экосистеме 101,5 млн активных розничных клиентов¹³.

Как отмечено в отчетном документе Роскомнадзора, подавляющее количество жалоб, поступивших в данный орган от граждан, традиционно касалась защиты персональных данных в связи с их размещением в сети Интернет, организацией деятельности банков и передачей персональных данных граждан коллекторским агентствам. В частности, в отношении кредитных организаций распространены жалобы на передачу персональных данных без согласия граждан, а в отношении коллекторских агентств – на обработку персональных данных граждан без их согласия¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о защите персональных данных в банковской деятельности является одним из ключевых и приобретает еще большую актуальность в связи с активным внедрением банками новых цифровых технологий.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее определение, которое предлагается закрепить нормативно. Банковская экосистема представляет собой не имеющее юридической личности объединение юридических лиц, которое является разновидностью банковской группы [Михеева: 45] и отвечает следующим признакам:

– в рамках банковской экосистемы оказываются как банковские, так и небанковские услуги, объеди-

ненные единой информационной платформой и единым брендом;

– участники экосистемы пользуются предоставленной кредитной организацией информационно-технической инфраструктурой, поскольку основой любой экосистемы являются новые, в том числе цифровые, технологии;

– все участники экосистемы объединены одним или несколькими договорами, направленными на создание указанного объединения;

– участники экосистемы объединены общим «брендом»;

– участники экосистемы пользуются базой данных кредитной организации о ее клиентах, включая их персональные данные;

– участники экосистемы пользуются доверием, которое оказано клиентами банку.

Используя свой бренд, доверие клиентов, банки должны обеспечивать защиту их интересов, в этой связи представляется необходимым возложение на банки ответственности за неисполнение обязательств и недобросовестное поведение этих компаний перед потребителями, что позволит минимизировать существующие (договорную и информационную) диспропорции. С учетом указанного предлагаем дополнить действующее законодательство положением об ответственности банков в случае нарушения обязательств другими участниками экосистемы.

Примечание

¹ Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 2.

² Следует еще раз обратить внимание на то, что в литературе используются понятия «экосистема», «банковская экосистема», «цифровая экосистема» и т. д. (Прим. авт. – И. М.)

³ Доклад для общественных консультаций. Экосистемы: подходы к регулированию. Банк России. Апрель 2021 г. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf. С. 7 (дата обращения: 15.03.2023) (далее – Доклад Банка России об экосистемах).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 304-ЭС20-2349(2) по делу № А46-10789/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>

⁵ Доклад Банка России об экосистемах. С. 20.

⁶ Доклад Банка России об экосистемах. С. 15.

⁷ Доклад Банка России об экосистемах. С. 8.

⁸ СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁹ Совещание о ситуации в банковской сфере. URL: <https://mail.yandex.ru/?uid=78464190#message/175077435514102485> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁰ ГОСТ Р 57881-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Система защиты от фальсификаций и контрафакта. Термины и определения: (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 31.10.2017 № 1606-ст.). URL: <https://www.consultant.ru/law/podborki/brend/> (дата обращения: 14.04.2023).

¹¹ Психология объясняет наши отношения с банками. URL: https://www.finance.rambler.ru/other/43097131/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.03.2023).

¹² Доклад Банка России об экосистемах. С. 3.

¹³ Экосистема Сбера. URL: <https://spec.tass.ru/sber180/ekosistema-sbera> (дата обращения: 15.01.2023).

¹⁴ URL: <https://spec.tass.ru/sber180/ekosistema-sbera> (дата обращения: 14.03.2023).

Список литературы

Аишурбекова З.Н. Банковские экосистемы как новое направление трансформации банковского сектора России // Теория и практика мировой науки. 2021. № 5. С. 19–22.

Гаврилов С.Н. Информационная (цифровая) экосистема адвокатуры в контексте экосистемы цифровой экономики России // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 160–165.

Карелина С.А. Правовые проблемы несостоятельности (банкротства) корпораций: новеллы и тенденции // Право и бизнес: Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2018. № 2. С. 41–45.

Кинсбургская В.А. Блокчейн как технологическая основа развития банковских экосистем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3 (246). С. 41–42.

Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управление. 2020. Т. 11, № 4. С. 9–12.

Клименко А.А. Развитие брэндинга в системе потребительской кооперации: автореф. ... канд. экон. наук. Белгород, 2009. С. 25.

Косарев В.Е., Иараджули Г.М. Экосистема как новая модель развития банка // Финансовые рынки и банки. 2020. № 1. С. 58–62;

Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. Москва: Статут, 2019. С. 178.

Михеева И.Е. Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // Право и экономика. 2022. № 10 (416). С. 18–23.

Полякова В.Э. Группа компаний: понятие, особенности правового положения. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2022. URL: <https://www.consultant.ru/>

Трушина К.В., Смагин А.В. Тренд на развитие крупнейших банков в парадигме экосистемы (к вопросу о понятии «экосистема») // Банковские услуги. 2019. № 12. С. 8–13.

Узденов Ш.Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. 2022. № 3. С. 46–49.

Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект: монография / под ред. Л.Г. Ефимовой. Москва: Проспект, 2021. С. 416.

Чистюхин В.В. Правовое регулирование финансового контроля за деятельностью некредитных финансовых организаций в Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 35.

References

Ashurbekova Z.N. *Bankovskie ekosistemy kak novoe napravlenie transformatsii bankovskogo sektora Rossii* [Banking ecosystems as a new direction of transformation of the Russian banking sector]. *Teoriia i praktika mirovoi nauki* [Theory and practice of world science], 2021, No. 5, pp. 19-22. (In Russ.)

Gavrilov S.N. *Informatsionnaia (tsifrovaia) ekosistema advokatury v kontekste ekosistemy tsifrovoi ekonomiki Rossii* [Informational (digital) ecosystem of advocacy in the context of the ecosystem of the digital economy of Russia]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. [Actual problems of Russian law], 2019, No. 6 (103), pp. 160-165. (In Russ.)

Karelina S.A. *Pravovye problemy nesostoiatel'nosti (bankrotstva) korporatsii: novelly i tendentsii* [Legal problems of insolvency (bankruptcy) of corporations: novelties and trends]. *Pravo i Biznes (prilozhenie): Predprinimatel'skoe pravo* [Law and Business (the application): Entrepreneurial law], 2018, No. 2, pp. 41-45. (In Russ.)

Kinsburskaia V.A. *Blokchein kak tekhnologicheskaia osnova razvitiia bankovskii ekosistem* [Blockchain as a technological basis for the development of banking ecosystems]. *Imushchestvennyye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii*. [Property relations in the Russian Federation], 2022, No. 3 (246), pp. 41-42. (In Russ.)

Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaia V.A. *Razvitie ekosistem v finansovom sektore Rossii* [Development of ecosystems in the financial sector of Russia]. *Upravlenets* [Manager], 2020, vol. 11, No. 4, pp. 9-12. (In Russ.)

Klimenko A.A. *Razvitie brendinga v sisteme potrebitel'skoi kooperatsii: avtoref. ... d-ra ekon. nauk* [Branding development in the system of consumer cooperation DSc thesis, summary]. Belgorod, 2009, 25 p. (In Russ.)

Kosarev V.E., Iaradzhuli G.M. *Ekosistema kak novaia model' razvitiia banka* [Ecosystem as a new model of bank development]. *Finansovye rynki i banki*. [Financial markets and banks], No. 1, 2020, pp. 58-62. (In Russ.)

Korporativnoe pravo [*Corporate law*]: учебник, ed. by I.S. Shitkina. Moscow, Statut Publ., 2019, p. 178. (In Russ.)

Mikheeva I.E. *Otdel'nye pravovye osobennosti zaloга tsifrovyykh prav* [Separate legal features of the pledge

of digital rights]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2022, No. 10 (416), pp. 18-23. (In Russ.)

Poliakova V.E. *Gruppa kompanii: poniatie, osobennosti pravovogo polozheniia* [Group of companies: concept, features of the legal situation]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlius», 2022. URL: <https://www.consultant.ru> (In Russ.)

Trushina K.V., Smagin A.V. *Trend na razvitie krupneishikh bankov v paradigme ekosistemy (k voprosu o poniatii «ekosistema»)* [The trend for the development of the largest banks in the ecosystem paradigm (on the question of the concept of “ecosystem”)]. *Bankovskie uslugi* [Banking services], 2019, No. 12, pp. 8-13. (In Russ.);

Uzdenov Sh.Sh. *Poniatie «bankovskaia ekosistema»* [The concept of “banking ecosystem”]. *Bankovskoe pravo* [Banking law], 2022, No. 3, pp. 46-49. (In Russ.)

Tsifrovoe pravo v bankovskoi deiatel'nosti sravnitel'no-pravovoi aspekt: monografiia [Digital law in banking comparative legal aspect]: monografiia, ed. by L.G. Efimova. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 416 p. (In Russ.);

Chistiukhin V.V. *Pravovoe regulirovanie finansovogo kontroliia za deiatel'nost'iu nekreditnykh finansovykh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. ... kand. iurid. nauk.* [Legal regulation of financial control over the activities of non-credit financial organizations in the Russian Federation: DSc thesis, summary]. Moscow, 2022, 35 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.